

Андрей Малажский

О ЧЕМ ГОВОРЯТ КАМНИ

романтический путеводитель по южной Испании

12+

Андрей Малажский
О чем говорят камни

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Малажский А.

О чем говорят камни / А. Малажский — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

С 2000-го года живу в Испании, и последние десять лет работаю экскурсоводом по городам южной Испании (Севилья, Гранада, Ронда и др.). Уже давно я обратил внимание, что многие интереснейшие исторические факты чрезвычайно скудны, поэтому решил «облагородить» их, снабдив романтическими подробностями, тем самым переводя их в разряд легенд, баек и притч. Большинство произведений из книги я неоднократно рассказывал туристам на экскурсиях. Мои рассказы зачастую касаются знаменитых мест, памятников истории и культуры, а посему особое внимание уделил надписям на зданиях, надгробиям, отсюда и название книги, ведь профессия года — оживлять камни.

Содержание

О чем говорят камни	5
Предисловие от автора	6
ПЕРВОПРОХОДЦЫ	7
КАК ПОЯВИЛИСЬ НЕКОТОРЫЕ КУРОРТНЫЕ ГОРОДА ЮЖНОЙ ИСПАНИИ	10
КОСТОЛОМ	11
Глава 1. ПЛЕНЕНИЕ	11
Глава 2. ПРИБЫТИЕ В ИСПАНИЮ	13
Глава 3. ОСКОПЛЕНИЕ	15
Глава 4. ПРИБЫТИЕ В КОРДОВУ	17
Глава 5. ЧЕРНОМОР	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

О чем говорят камни

Андрей Малажский

Предисловие от автора

Приветствую тебя, мой дорогой читатель!

Расскажу немного о себе:

Образование у меня высшее, математическое. С 2000-го года живу в Испании, и последние десять лет работаю экскурсоводом по городам южной Испании.

Уже давно, я обратил внимание на то, что очень многие интереснейшие исторические факты чрезвычайно скудны, поэтому решил «облагородить» их, снабдив романтическими подробностями, и, тем самым, переводя их в разряд легенд, баек и притч.

Большинство произведений, которые можно найти в этой книге, рассказаны мной неоднократно туристам на экскурсиях в такие прекрасные города, как Севилья, Гранада, Ронда и т.д.

Так как я вожу русскоговорящих туристов, то, по этой причине, решил провести несколько параллелей между русской историей, и испанской, благо, их действительно можно обнаружить во множестве.

Также, мимоходом коснулся и таких стран, как Италия, Марокко и т.д.....с целью обнаружить связь этих стран с Испанией ...и влияние их на последнюю.

Мои рассказы, зачастую касаются знаменитых мест, памятников истории и культуры, а посему, я особое внимание уделил надписям на зданиях, надгробиям..., отсюда и соответствующее название книги: «ОЧЕМ ГОВОРЯТ КАМНИ», ведь профессия года—оживлять камни.

Приятного чтения!

Андрей Малажский.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Людская молва продливает жизнь великих героев на века. Например, царь Спарты– Леонид, герой Фермопил, считал себя потомком Геракла в двадцатом колене, что позволяет нам предположить, что Геракл жил приблизительно три тысячи лет тому назад.

Но царь Агамемнон-разрушитель Трои, жил три тысячи двести лет назад, и для него легенды о силаче-полубоге уже были преданиями седой старины.

Подобных примеров множество, схожая участь постигла и тех, о ком я сейчас поведу сказ.

1238 год до нашей эры.

Пятьюстами лигами северозападнее побережья Египта, одинокая финикийская триера дрейфовала в открытом море, унесенная штормом далеко от берегов, и привычных торговых путей. Матросы приводили судно в порядок после бури.

–Вижу данайский парус по правому борту!—прокричал с мачты вперед смотрящий.

Капитан «Астарты» всмотрелся в указанную сторону. К нему подошел боцман:

–Торгуем, грабим, удираем?—спросил он.

–Ждем—ответил капитан.

Корабли сблизились. Данайцы выбросили белый флаг, и челноки были спущены на воду, чтобы капитаны смогли встретиться, и поговорить на безопасном расстоянии от обоих судов.

–Не стоит брать нас на abordаж—заявил данаец, после короткого приветствия. Он был так юн, что капитан «Астарты» усомнился, что имеет дело с главным.

–Наш корабль больше, и таран крепче—заметил финикиец.

–У вас гребцы-рабы, а у нас воины... наш корабль перегружен, но не товарами, а людьми, нас больше—парировал данаец—предлагаю избежать ненужного кровопролития, и заняться делом, которое, я полагаю, будет интересным нам обоим...

–Слушаю внимательно.

Юный данаец кашлянул, и продолжил:

–Вообще то мы не данайцы, но плаваем под их флагом, ибо нынче так безопаснее. Мы - уцелевшие жители павшей Трои, а меня зовут Эней.

–Троя пала четыре месяца назад, где же вы болтались все это время?—спросил финикиец.

–И четырех лет может не хватить, чтобы найти новый дом. Из разрушенной Трои мы поплыли к острову Гавдес. Еще покойный Гектор говорил мне, что в одной из стычек с данайцами, полностью перебил отряд, прибывший из Гавдеса. Вот я и рассудил, что направившись туда, с легкостью смогу захватить этот небольшой остров, на котором остались лишь старики, женщины и дети. Так мы и сделали. Овладев островом, мы закрепили на нашей триере данайский парус, принимали все одинокие корабли, заходящие в гавань Гавдеса, но не выпускали никого, дабы сохранить втайне наше пребывание там. Я знал, что мы там осели не навсегда, ведь однажды приплывет сразу несколько судов, и нам уже с ними будет не справиться. Но, волею богов, на Гавдесе мы получили передышку на несколько месяцев, залечили раны, отдохнули душой, привели в порядок нашу триеру, и получили интересные сведения от проходящих судов.

Финикиец подавил зевок, и с интересом уставился на собеседника. Эней продолжал:

–Сведения такие: Агамемнон, прибыв к берегам Эллады, застал ее в огне. Оказалось, в его отсутствие, многочисленные племена с севера вторглись в Грецию, захватили все малые и

средние города, а с большими, такими как Микены, Тиринф, Спарта, договорились об объединении. Армия Агамемнона, обескровленная войной с Троей, не смогла бы воспрепятствовать этому союзу. Об этом ты возможно еще слышал.

Финикийский капитан утвердительно кивнул.

— Владыки севера заинтересовались кораблями Агамемнона, и сокровищами, что хранит за морем Египет, а также царством хеттов. Буря занесла вашу «Астарту» далеко на запад, и вы, должно быть не знаете, что прямо сейчас все восточные воды окрасились в багровый цвет. В морских сражениях участвую сотни и сотни кораблей. Фараон проигрывает одну битву за другой, но Египет пока силен, и еще очень долго весь восток будет охвачен войной. «Астарта» ведь из Тира?—вдруг спросил Эней.

Финикиец, помедлив, вновь кивнул.

— Вам не пройти домой, не миновав стычек с «народами моря»—как окрестили союз данайцев и северян египтяне. Побоища в восточных водах будут продолжаться месяцами... а то и годами—слишком могучие силы столкнулись, и я не знаю, какую позицию займет ваш Тир, что означает, что вам нужно опасаться обеих сторон...

— Ты, кажется, хотел мне что-то предложить?—прервал Энея капитан «Астарты».

— Да—ответил юноша—думаю, что нам обоим путь на восток и на север закрыт.... воды, в которых мы сейчас находимся тоже небезопасны. Предлагаю вместе податься на восток, пока не покинем моря, где еще можем встретить вражеские флотилии...

— В «дикие моря»?

— Именно, ... там троянцы будут искать новый дом, а вы, быть может, сумеете найти с кем поторговать...—закончил Эней.

Финикиец, возвращающийся после переговоров на свой корабль ликовал. Он всю жизнь мечтал опраться в странствия на запад, ему нужен был лишь подходящий повод, и предлог.

Поднявшись на палубу «Астарты», капитан приказал трубить общий сбор. Собравшимся матросам он сказал так:

«...Братья! Мы только что оправились от последствий шторма, но до нас дошли вести о новых испытаниях....Египет, куда мы направлялись с грузом цветного стекла, полыхает в огне пожаров, путь туда закрыт. Родной Тир, да хранит его Мелькарт, нам недоступен, ибо все восточные моря сейчас единое поле боя... Торговать в освоенных землях сейчас не с кем, все воюют, но мы можем сделать то, что до нас не отваживался сделать ни один финикиец—мы поплывем на запад, так далеко, как только сможем... к диким берегам..где живут люди, с медным и каменным оружием, одетые в звериные шкуры. Мы явимся к ним в сияющих бронзовых доспехах с железными мечами... мы снизойдем до них с корабля, как боги, однажды спустившиеся к нам с небес. Мы станем для них новыми богами... Наше цветное стекло дикари никогда не видели, они охотно выменяют наши безделушки на истинные сокровища, как если бы то были не стекляшки, а истые рубины и изумруды. Нас запомнят, как небесных исполинов, впервые явившихся к людям.....Мы дадим себе новые имена, такие же, как у наших богов, чтобы дикари вечно хранили приращения о том, как великие финикийские боги снизошли до них, и подарили им письменность, вино и оливковое масло, и забрали у них лишь сущую безделицу....то, что им никогда не было нужно—золото, серебро, медь и железо.....а теперь запомните ваши новые имена... ты будешь Бел,... ты-Дагон, ты-Хаммон.....»

— Назовем капитана Мелькартом!—выкрикнул боцман, ставший Белом—в честь покровителя родного Тира, и многие открытия на нашем пути посвятим ему...

Матросы одобрительно загомонили.

«Астарта», и троянский корабль отправились на восток.....

— Когда окажемся в «диких морях», что будем делать с троянцами?—спросил Мелькарта Бел—поторгуем, ограбим, или удерем?

—Подождем—ответил Мелькарт.

ПЭ.ЭС. :

... на пути у «Астарты» было много приключений...корабль, управляемый «богами», открывает Гибралтарский пролив, и его команда поставит по берегам пролива «Мелькартовы столпы», которые греки станут называть Геркулесовыми; эти люди заложат древнейший город на западе, который ныне известен как Кадис.....

...юноша Эней, со своими спутниками, будет еще много лет скитаться по морям, и однажды пристанет к полуострову, где троянцы смешаются с племенем латинов, и потомки этих людей, спустя века, заложат Вечный город—Рим.

...римский поэт Вергилий, напишет поэму о скитаниях Энея, согласно которой, юноша чуть не женится на Дидоне-первой царице Карфагена(уроженке Тира), хотя она и жила четырьмя веками позже описанных мною событий.....чтож...век героев долгов в человеческой памяти...

КАК ПОЯВИЛИСЬ НЕКОТОРЫЕ КУРОРТНЫЕ ГОРОДА ЮЖНОЙ ИСПАНИИ

В раннем средневековье на южном берегу Испании почти все финикийские, римские и греческие города перестали существовать.

В 711-м году нашей эры на маленький скалистый полуостров высадился десяти тысячный арабо-берберский отряд по командованию Тарика ибн Зияда, с целью покорить Испанию и Португалию. С той самой поры полуостров зовется «джебель Тарик», а в английском произношении известен как Гибралтар.

Генерал Тарик обернулся, посмотрел на море, через которое только что перебрался, и решил: «Чтобы никакой шайтан после меня здесь не высадился, нужно место укрепить...»

И построил Тарик крепость возле необитаемого Гибралтара, и вырос вокруг крепости город, и поныне зовется он Альхесирас.

В десятом веке прогуливался по берегу Коста дель Соль халиф государства Аль-Андалус Абдурахман Третий Великий, глянул в сторону моря, и подумал: «Дабы никакой шайтан не высадился на этот берег, и не подступился по суше к моему городу Малаге, нужно это место укрепить».

И велел халиф возвести крепость Сохайл (Южная звезда), вокруг которой вырос город, и сейчас он зовется Фуенхирола...

В 1082-м году гулял по Коста дель Соль альморавидский султан Юсуф ибн Ташфин, которого только что позвали из-за моря на помощь испанским маврам. Взглянул Юсуф на море, что переплыл, и сказал: «Чтобы никакой шайтан вроде меня более не посмел высадиться здесь, велю построить еще две крепости.

И были построены крепости, и выросли города возле них, и ныне зовутся они Марбелья и Эстепона...

В 12-м веке альмохадский султан Абд аль Муммин уничтожив династию альморавидов, понял, что он и есть тот самый шайтан, который лишил испанских мавров поддержки прежних африканских владык и высадился на Коста дель Соль. Теперь ЕМУ нужно защищать Андалусию.

Султан осмотрел берег, и три крепости стоящие на нем: Сохайл, крепости Марбельи и Эстепоны, и постановил: «Смог я высадиться, сможет и другой шайтан, но чтобы этого не случилось, поставлю как я между крепостями дозорные башни, чтобы с каждой была видна следующая и предыдущая».

И поставлены были башни через каждые пять километров, и зажигались костры на них если неприятель шел с моря, и оповещали эти костры об угрозе гарнизоны крепостей.

В 1248 году по Коста дель Соль решил прогуляться и султан Гранады Мухамед Аль Хамр. Осмотрел внимательно систему береговой охраны и произнес: «Костры на башнях—это хорошо, но медленно, шайтаны нынче быстрые, пускай дозорные оповещают с башен об угрозе с помощью до блеска начищенных бронзовых флюгеров...солнечными зайчиками».

И стояли на башнях сверкающие флюгера, и узнал об этом много веков спустя господин американский шпион, дипломат, историк, сказочник, и просто хороший человек Вашингтон Ирвинг, и написал сказку «замок с флюгером», а Александр Сергеевич Пушкин перевел ее, так на свет появилась «сказка о золотом петушке».

Нет больше флюгеров, но есть старые крепости Марбельи, Фуенхирола и Эстепоны, и башни дозорные сохранились...и все они являются своеобразной визитной карточкой «берега солнца».

КОСТОЛОМ

Глава 1. ПЛЕНЕНИЕ

Зовут меня Иваном, родился я в селе Карачарово, что возле города Мурома. Отец мой –Илья, после смерти матушки, младенцем увез меня на дальнюю заставу, где я и рос до семнадцати лет...

На заставе за мной заметили два таланта: носы в черепа вминать одной левой, и на чужих языках с иноземными купцами балакать...

Родные края помню плохо, но последний день на заставе забыть невозможно: нагрянули печенеги силушкой великою, батька запер меня в погребе, и наказал:

« В бой не лезь, не сладить нам сегодня, коли найдут тебя здесь, уведут в полон, да продадут в рабство...сия доля незавидная, много унижений стерпишь, но помни—с волхвами веди себя учтиво, авось приметят, и возьмут под покровительство; с купцами будь деловитым..., коли станешь своим для них, выторгуешь для себя лучшую долю...; господину своему кланяйся смиренно, но помни—ты воин, не прощай ничего, копи обиду, но пред ними будь поклядист...а расцветешь силушкой богатырской, заломай всех обидчиков, да так, чтобы хруст костей их аж в Киеве слышен был...»

Нашли меня в погребе скоро...примкнули к шее рогатину, связали руки, и увели в сторону Хазарского моря... Проходя по разрушенной заставе я видел лишь пепел и прах, пытался высмотреть батьку, но не смог. Мужики из полоненного люда позже рассказали, что батя, обломив булат о печенежские шишаки, ухватился за бревно, и прижал им к избе троих ворогов за раз,...хрустели ребра, кровь ртом пошла у супостатов,...а печенеги, знай в спину бате стрелами шмалять,...истыкали как ежа..а когда места свободного на спине уже не было, тут батя и упал, упали и те трое с бревном, впечатанным им в грудины аж до самого хребта...

Пока шли, Путята-мужик, что на пару со мною в одну рогатину запряжен был, рассказал, что вьюношей крепких как я, да из воинского роду в полоне не жалуют, ибо крепок дух таких вьюношей отцовским наставлениями, и с такими сладить сложно...иными словами любят там Иванов, не помнящих родства...

Чтож, намотал я слова Путяты на ус, и когда печенеги спросили о имени моем, то ответил:

« Зовут меня Иваном Костоломом»

—Почему костоломом—поинтересовались они

—Сирота я—ответил—на скотобойне силу мою приметили, так как головы козлам молодым отрывал без топора, от того и костоломом кликать стали...

Переход до Хазарского моря прошел спокойно, печенеги задирать меня опасались...

Далее, сменялись мои пленители, чаще чем настроение у киевского князя...теребили за плечи, в рот заглядывали, аки жеребцу, выкупали, и привели меня в Царьград под хлыстом уже четвертого хозяина...

Второй Рим радушен не был...перекупили там меня венецианские купцы, посадили гребцом на галере, и жить-поживать стало скучнее...

Соседом по гребной лавке оказался араб, по имени Саид, от него я и узнал, что за молодых светлоглазых парней как я, самую большую цену дают в халифате... Поняв, что рано или поздно окажусь в каком-то там халифате, я принялся более старательно учить язык Саида...

Гребля выводила из себя больше, чем щелканье хлыста надсмотрщика, но как только я понял, что тяга на себя весла, развивает силу, пригодную для боя с двуручным топором, стало веселее.....пожрать бы еще от пуза...да девку покрасивше...

Кстати о девках....ходила одна милка по мосткам между гребцов, хвостом крутила....из нашенских...русая коса, глазки хитрые, як у лисы, Ксенией звать...все на меня посматривала....улыбнулся я ей как-то раз, а она тут же подбородок задрала, хмыкнула, и под хозяйские покровы увильнула...., а на следующий день Ксения вновь прошла мимо меня, и сказала:

–Слышь ты, ясноглазый, як звать то тебя?

–Иваном—ответил я—почто вопрошаешь?...али понравился?

Ксения опустила глаза, и с усмешкой доложила:

–Справлялась я Иван о судьбине твоей дальнейшей...перестанут скоро твои глазоньки дерзко пилиться на меня, и лыбонька твоя наглая схлынет с лица красного...

–А что ж так то?—спрашиваю ее

–Продадут тебя в халифат...

–Ну и что?—похорохорился я—по мне что халифат, что каганат, все одно...скалятся по разному, а потроха у всех одного цвету...

–Оскопят тебя там, да и в гарем определяют...

–Зачем оскопят, как в гарем?—спохватился я—что я там делать буду?

–Не ты делать будешь, а с тобой—засмеялась Ксения—как и со мной(тут ее смех стал горьше), но моя доля женская-известная, а твоя...ни так ни сяк...

–Как можно?—не унимался я—меня...кхм..как бы и некуда...

–А пердишь ты чем?...воот туда—глаза ее лисьи сузились—вот тогда спесь с тебя вся и сойдет...

–Да брешешь девка(!), я ж той дыркой сру! Они дураки чтоль ковыряться в вонючих местах?

–Может и дураки—согласилась Ксения, заметно помрачнев—только власть за ними, а власть часто желания поганит...

Ночью, после разговора с Ксенией никак не мог уснуть, ужель не брешит девка? Ладно....сдюжим как-нибудь и эту невидаль...а Ксюха—стерва, люблю таких..добуду ее, коли бубенцы не оскопят...

Глава 2. ПРИБЫТИЕ В ИСПАНИЮ

В порт Малаки заходила огромная венецианская галера. Грузчики на причалах удивленно оглядывались на величественный корабль, с которого доносилась задорная песня на неизвестном языке:

Эх дубинушка ухнем,

Эх, зеленая сама пойдет, сама пойдет,

Подернем, подернем, ... да ууухнем!

Пели галерные гребцы, и десятки акцентов слились в один, бодрый, залихвацкий, будто даже кавказский....

—Что за песня такая?—спросил портовый смотритель Хафар венецианского купца..

—Русский раб остальных научил—ответил тот.

—О чем она?—снова любопытствовал Хафар.

—Костолом говорит, что о смиренной рабской доле, об умении радоваться мелочам жизни: лучику солнца, отдыху от хлыста, отварному гороху без червей....

Песня настолько пришлась по душе местному люду, что уже к вечеру, во всех припортовых харчевнях пели «Эх дубинушка ухнем».

У южных городских врат Малаки, глядящих на море и на порт, распологался невольничий рынок, вереницу рабов с галеры повели напрямик на него. Из толпы невольников выделялся один: светлорусый, на голову выше остальных, косая сажень в плечах, голубоглазый с неунывающим взглядом.

К высокому парню подошел рыжий старик в парчевом тюрбане, и внимательно оглядывая его мускулатуру спросил:

—По арабски говоришь?

Парень кивнул.

Рыжий старик заглянул парню в зубы, и принялся ощупывать его мускулы..

Молодец состроил непонятную трагикомичную гримасу, желая скрыть неуместный смешок, и выпалил по русски:

—Отвянь скотина басурманская, щекотно ж блеать!

Старик посмотрел ему в глаза:

—Что ты сказал раб?

—Сказал, что буду служить тебе верой и правдой, и приму твоего бога, как своего...— ответил тот.

—Хм, хорошо—удовлетворенно крякнул старик, окончив осмотр—только не «как своего», а «заместо своего»...понял?

—Да господин...

—Замечательно, как звать то тебя?

—Костоломом, господин...

—А что это имя означает на твоём языке?

—Покладистый, мой господин, я сирота, с детских лет был в услужении в боярском доме, там меня так и называли—Костоломом...

Рыжий старик обернулся к венецианскому купцу, и сказал, указуя на Костолома:

—Этого беру, дам тебе пятьдесят дирхемов за него.

—Не маловато ль будет?—возмутился купец—он жрет в два раза больше остальных, сильнее в три раза, тут не меньше ста дирхемов получится...

—Не наглей купец—ответил старик—отвезу Костолома в Лусену, евреи его там кастрируют, еще неизвестно, выживет ли после оскотления...

Купец растроено махнул рукой, мол «твоя взяла, забирай товар»..

А молодой раб сжав зубы, с досадой процедил:
– Вот жеж Ёшкин кот, не на того поставил....

Глава 3. ОСКОПЛЕНИЕ

До Лусены от Малаки шли неделю. Все это время я вспоминал слова отца: «с купцами веди себя деловито, авось лучшую долю выторгуешь...»

Лусена—еврейский город в халифате, евреи—люди торговые, пушай даже и врачеватели, но что раб может предложить им?

На первом привале пересеклись с другим невольничьим караваном. Там я снова увидел Ксению. Ее вели в Кордову. Оказавшись подле меня, она ядовито поинтересовалась:

—Что богатырь, мешочек мужества обкарнали уже?

—И не мечтай—ответил я—муж тебе достанется со всеми положенными причендалами...

—Ужель свататься ко мне надумал?—хихикнула Ксения—як же ты из гарема меня выволять станешь?

—Як буду—то моя забота—буркнул я—коли припозднюсь, и отпрысками обростешь, не беда, возьму и такой, а станешь язвить, отпрысков на глазах твоих порежу...

Ксения побледнела, вскинула подбородок, и ничего более не ответив отвернулась...

—Не умеешь ты с женщинами разговаривать, грубый больно—сказал Саид, которого со мною выкупили, и вели в Лусену—учись пока я жив, запоминай: «Свет очей моих, мое сердце томится, подобно коршуну, запертому в клеть, когда ты далеко...»

—Заткнись уже, свет очей моих—огрызнулся я—какие мои годы, научусь еще, но сперва надо обдумать, как мужиком вообще остаться...

Пока шли, визнавал о житии-бытии евреев в халифате.

Выяснил, что люди они арабам дюже полезные, ибо ведают денежными делами, каковыми мусульманам Аллах запретил заниматься, но за веру их юдейскую не сильно жалуют... терпят...

Выяснил также, что если раб примет ислам, то не раб он уже вовсе. Это хорошо, врать я мастак, приму ислам, а то, что душа в крестах останется, так то одному мне ведомо будет...

Добрались до Лусены. В сам город не пустили, мол нельзя иноверцам в юдейский град вступать, а дом, где яйца карнают, стоял за крепостной стеной...

—Тебя Костоломом кличут?—обратился ко мне яйкикарнателъ средних лет Абрам бен Хирам..

—Меня—ответил.

—Что означает прозвище твое?

—Друг, означает—говорю—слышь Абрам,....я привет привез тебе с Руси...

—От кого—удивился Абрам.

—От хазарина Пучкай, из юдейского землячества в Киеве...

—Не знаю Пучкай, я вообще там никого не знаю..

—Зато Пучкай тебя знает, говорит, что ты лучший медик халифата, оскопляешь качественно, рабы от твоей руки редко дохнут...

—Брешешь Костолом...—усмехнулся Абрам.

—Верить мне, аль не верить—дело твое, вот только Пучкай просил передать тебе, что хазарское землячество в Киеве обеспокоено тем, как их брата в халифате притесняют....помощь вам предлагают..

—Какую-такую помощь?

Я гордо ударил кулаком себе в грудь:

—Направил Пучкай меня в твои края шпионить для еврейства у арабов...

—Этого в первую очередь на стол—скомандовал Абрам своим подручным, указуя на меня...

—Да не кипятись ты так Абрам—говорю, а у самого от страха душа в пятки ушла—коли яйца не обрежешь, лучшим соглядатаем стану для тебя и тваго народа в гареме, или куда там меня заслать хотят...

—На стол его—повторил Абрам.

Привязали меня к столу.

—Всем выйти—скомандовал Абрам помощникам, а когда они ушли, обратился снова ко мне:

—Брешешь неумело, но красиво, я оценил, а яйца у нас уже лет десять как не режут, стягиваем мошонку сыромятным ремнем, и станешь ты кастратом при всех твоих внешних мужских причендалах...

—Подумай еще раз—говорю ему—чего ты теряешь? Коли правду говорю, то будет от меня польза великая, а коли нет, останешься при своих...

Абрам деловито вытащил из торбы сыромятный ремень и сказал:

—Я пропитал его в растворе, который сам изобрел...высыхая, ремень не будет стягиваться слишком сильно...мужиком останешься, но клеймо кастрата я на тебе все же поставлю...

—И на том спасибо—облегченно выдохнул я—куда меня потом?...в гарем?

—В гаремах маленьких да нежных мальчиков жалуют—засмеялся Абрам—на кой ты там сдался такой большой и опасный....обучат тебя воинскому исссскуссству в Кордове, и в гвардию халифа определяют,...при хаджибе Альмансоре брат наш визирем состоит, будешь через него связь со мною держать....

Глава 4. ПРИБЫТИЕ В КОРДОВУ

Серая птица с красным хвостом выпорхнула из оконца длиинного приземистого дома, села на землю, попила из лужи, и деловито прошагала к дремлющему возле будки цепному псу.

—Гав!—рявкнула птица в рваное ухо собаке.

—Р-р-р—ответила псина(перевод—отвали)

Птица отвалила, перемахнула через высокий каменный забор дворца халифа, и уселась на ветке стройного векового кипариса, оказавшись рядом с дремлющим петухом. Куры, фазаны и павлины ночью спали на кипарисах, опасаясь котов и прожорливых евнухов... .. Серая птица затаилась...

Забрезжил рассвет.

Свет восходящего солнца залил покрытые ярко желтым песком дорожки сада, окрасил на мгновенье водяные струи фонтана в красный цвет, и мягко осветил цветы белого ибискуса, придав им розовый оттенок...

Фатима—первая жена халифа Хишама Второго, страдавшая бессонницей, вышла в сад почитать недавно написанный Бруно Памплонским рыцарский роман. Книга, переведенная на арабский язык почтенным Абу Маликом, была тщательно отредактирована, лишена христианских вольностей, и все имена и названия заменены на мусульманские, и в том месте повествования, где доблестный христианский рыцарь повергает мавританского витязя, роли сменились с точностью до наоборот.

Женщина уселась на край каменной чаши с фонтаном, вальяжно потянулась, в предвкушении приятного чтения раскрыла книгу, как вдруг, заметила по правую руку от себя белого, как мраморная чаша фонтана кота, доедающего цыпленка...

—Уфффф—скорчила брезгливую гримаску Фатима, и небрежно смахнула кота в воду...

Кот визгливо мяфкнул, выбираясь из фонтана, и обиженно косящийся на Фатиму побегал во дворец в поисках тапок первой жены халифа...

Кошачий мяф услышала серая птица на кипарисе, и будто оправившись от оцепенения прокричала:

—Кукареку —тааак громко, что петух, сидевший рядом, от неожиданности грохнулся с ветки на землю.

И понеслась: возбужденно раскудахкались куры; закричали петухи и павлины; старый жирный евнух, шпионивший за Фатимой, выполз из-за самшитового куста, снял с ноги бабуш, и метнул его в голосащий на все лады кипарис..... Бросок был на удивление мощным, настолько, что после него куры посыпались из кроны дерева на землю, как горох... Из помещений дворцового гарема раздались многочисленные девичьи голоса, щебечашие одновременно наперебой и без пауз.....

«Куры и бабы—суть одно племя»—подумал мокрый белый кот, грозно нависший над вышитым золотом тапком Фатимы...

Протрубив «побудку» в гареме халифа, серая птица взмыла вверх, пролетела над всем садом, над дворцовыми крышами, миновала стену Аль-Касра, и уселась на пирамидальный выступ огромного здания—великой мечети Альхамы.

Когда-то, тысячу лет назад, на месте мечети располагалась торговая площадь римской Кордубы, и ее старый форум. Альхама заняла все место, где раньше был рынок, кусок торгового тракта, проходящего подле него, и целый храмовый комплекс римских богов.....старые боги были поглощены единственным.

Пятиступенчатый пирамидальный зубец, на котором сидела наша птица, и каковых было много по всему периметру мечети—символ Омейядов—правлящей династии халифов Кордовы. Двести с лишним лет тому назад, последний выживший в резне в Дамаске Омейяд при-

был в Испанию, и возглавил государство Аль Андалус. Звали его Абдурахман Ад-Дахил (то бишь Абдурахман пришелец). Именно он и дал приказ строить мечеть, которой суждено было стать величайшей на западе.

Ныне, Альхаму все еще достраивали, вся ее северо-восточная стена была обставлена строительными лесами. Торопились ...великий визирь, непобедимый хаджиб Кордовского халифата Альмансор уже стар, но желает увидеть Альхаму законченной. На личные деньги Альмансора завершалось строительство мечети...

Птица зевнула, расправила крылья, и взяла южнее, пролетела над городскими воротами, поймала струю восходящего воздуха над Гвудалквивиром, долетела до середины реки, и присела отдохнуть на мосту... Мимо проходил ишак, увешанный торбами вкривь и вкось. Из одной торбы торчал глиняный сосуд с оливковым маслом. Ишака за поводья вел сутулый старик с седой бородой до пояса...

Серая птица каркнула, сосуд выпал из торбы, разбился, ишак подскользнулся на разлитом масле, и заваливаясь набок перевалился через невысокий мостовой борт, и полетел в Гвудалквивир. Осел выпучил глаза от ужаса, закричал как армия ишаков, и мысленно успел прочесть молитвы всем копытным богам.....но не долетел до реки, а завис над ней.

Осел аж рыгнул от удивления, уставившись в глаза селезню, на которого должен был грохнуть... селезень вопросительно крикнул, осел пернул, и стал медленно удаляться вверх от водной глади, так и не коснувшись ее....., какая-то чудовищная сила тянула его за заднюю ногу обратно, на мост...

Могучего сложения русоволосый детина ухватился одной рукой за тяжело нагруженную подводу, другой за ногу осла, и вытягивал его, матюкаясь на иноземном языке так сочно, что всем прохожим было ясно приблизительное содержание его ругани...

Поставив ишака на мостовую, детина с почтительной улыбкой вручил поводья седобородому старцу, поклонился ему, вновь расправил плечи, и поправил кандалы на запястьях...

Серая краснохвостая птица вновь взлетела, и взгромоздилась на плече русоволосого парня с клеймом кастрата на правой руке...

—Здорово птаха(!), чего расселась?—спросил птицу парень—али русский дух тебе знаком не понаслышке?—с этими словами он сунул нос себе подмышку, и на секунду позеленел, чихнул, огляделся, и спросил птицу—мост ладный, никогда таких не видел, чья работа?

—Аве Цезарь император—гаркнул попугай.

—Хм, не знаю такого, но, видно зодчий из этого Цезаря вышел что надо... ну да ладно.. что там с русским духом то?

—Пасть порву—по русски ответил краснохвостый...

—А-а, значит наши в городе есть—заклучил парень, и всмотревшись в золотой полумесяц на минарете Альхамы, добавил—чую, здесь я надолго....

Глава 5. ЧЕРНОМОР

На подходе к Кордове мне на плечо села странная птица, и принялась браниться, аки заправский дружинник.....гнать от себя ее не стал, ...забавная птаха...

Рядом шагал Саид, который обучал меня арабскому аж со времен нашего бытия на галере, а пока учил, порядком поднатаскался в русском... Сдружился я с Саидом.

—О-о! И попугаи к нему липнут—проворчал он, ревниво разглядывая серого краснохвостого матершинника на моем плече—вот скажи Костолом, за что тебя все любят?

—Потому что добрый—пожал плечами я.

—Да сам Шайтан добрее тебя Костолом!—махнул рукою Саид—помню как Джованни-надзирателя на галере ты во время шторма цепями задушил, пока все блевали под лавками, как за борт его тело выкинул помню, пока никто не видит....., а ведь Джованни тебя баловал, спину твою от хлыста берег, жрать больше, чем другим давал, для покупателя лелеял ...

—Рыбам тоже кушать хочется, а гребцы от его плетки отдохнули чуток—невозмутимо ответил я.—я добр не делами, а своим отношением к делам, и к людям..

—Это как так?—вытаращил глаза Саид.

—Мой пленитель-мой враг, а хороший враг-мертвый враг, ...сие я разумею, но мысли эти в сердце не пуцаю....вот, порой смотрю на супостата, и думаю, и всем то он ладный человек, и кровь младенцев по воскресеньям не пьет, и девственниц по подземельям на дыбе не терзает, даже зубы чистит раз в месяц...и проникаю к нему искренней симпатией...а вражина то тоже человек, мое отношение чувствует, и тож ко мне по хорошему....но это мое сердешное отношение...а разум знает...а разум помнит, что это враг, и он должен умереть, и он умрет.....но зла я к нему не таю..

—Истинный шайтан—проворчал Саид.

—Ты мне лучше ответь дружище, почему ты—мусульманин, в рабстве у единоверцев?

—Я шиит—гордо ответил Саид—а здесь суниты, что хуже, чем неверные собаки... да и в кабалу попал за долги....как выплачу..так освободят...

—И чем тебе суниты не угодили?

—Род Пророка благословен Аллахом, и потомки Мухамеда имели священную привелегию стоять во главе правоверных, но был убит дядюшка Али—двоюродный брат пророка, и духовных наставников суниты стали избирать...этих наместников Аллаха на земле они и называют халифами.....не правильно это.

—Да в этих краях каждый четвертый мужик-дядюшка Али—усмехнулся я—не осерчаешь, если по ходу жизни сверну шею нескольким?

—Нэ буду—ответил Саид—даже помогу....наши дороги неслучайно так долго не расходятся...ты ценный раб, но и опасный, меня приставили следить за тобой, вот только я не сказал им, что я шиит, и мне с сунитами не по пути...а с тобой честным буду....., доносить хозяевам про тебя стану только то, что мы сами придумаем.....

—Добро—ответил я....почему-то я верил Саиду, как самому себе, и разбираться в причинах такого доверия у меня не было никакого желания....авось не подведет....ведь если сомневаться и проверять его, то обидется может, а слепо довериться мало знакомому человеку—в этом есть особое удовольствие.....это как довериться судьбе в благодарность за то, что судьба возлагает на тебя большие надежды, приготовила интересный путь, а ты веришь в этот путь, и достойно принимаешь попутчиков, полагаясь на старое доброе «авось».

К гвардейским казармам подошли мы к полудню.

Завели нас в оружейную палату, где по стенам во множестве стояли щиты да копья, и еще полно оружия, названия которому я не ведал.

—Ты чьих такой большой будешь—обратился ко мне могучий дядька, сурово глядя на меня из под кустистых полуседых бровей...—вижу, тебя сын полка привел..

—Кто-кто?—недоуменно спрашиваю...

—Попугай на твоём плече—усмехнулся дядька—талисман нашего полка, летает по всей Кордове, когда пероed под крыло куснет...рекрутов подыскивает...

—А-а...меня Иваном Костоломом величать—отвечаю—сирота я, с восточной заставы Руси Киевской...

—Земеля—удовлетворенно выдохнул дядька, и встал из-за стола—земелю сам проверю(он мотнул головой, чтобы гвардейцы, стоявшие рядом, расступились)...выбирай оружие..посмотрим на что способен. Меня Афтаром звать, для своих Черномор, я здесь за полковника...

Я выбрал висящий на стене ятаган...самый большой, с изрядным весом на конце клинка...

—Неправильный выбор—строго сказал Черномор, вынимая из ножен саблю—мое оружие с весом в рукояти, а значит быстрое...твой ятаган тяжел на острие, пока замахиваться будешь, я уж рубану...

—Сдюжу и этим—говорю.

Черномор подошел на два шага ближе, и рубанул пару раз воздух разогреваясь...

Я перехватил ятаган в левую руку, правой ухватил за ножку стол, и швырнул его в полковника. Черномор упал, я вскочил на стол, придавив им полковника, и приставил клинок к его уху...

—Хорош—проворчал Черномор—слезай с меня...годен в службу...

Я отступил, прихватил с собою стол, и уважительно опустил глаза. Полковник поднялся на ноги, окинул мрачным взором гвардейцев, пресекая смешки, и снова обратился ко мне, кивая на Саида:

—А это что за блоха малохольная с тобой?

—Брат мой названный—отвечаю—Саидом звать.

—Араб чтоли?

—Обижаешь полковник, русский он, разве ж что чуток подкопченный, Отец у него Соловей-разбойник...слыхал о таком?

—Слыхал—бурнул Черномор—которому Илья Муромец зубы повыбивал?

—Он самый, а мать его баба Яга-княжна древлянская, уродлива была, ликом носата, оттого и сынка неказистого на свет породила....

—Костолом-брехун истинное тебе имя—засмеялся полкан—вижу друг он тебе, ...ладно, пушай при казарме обретается, портки нам стирать будет...

На том и порешили. Отвели меня с Саидом в казарменные опочевальни, выделили койки, и одежду гвардейскую...

Оказалось, что вся гвардия халифа, за редкими исключениями, состояла из моих земляков, оттого их и прозвали Саккалибы(славяне-по арабски), и было таких гвардейцев без малого пятнадцать тыщ. Уже два с лишним века саккалибы являлись лучшими воинами Кордовского эмирата, а затем и халифата...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.